

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В БЕЛОРУССКОЙ НАУКЕ

В. А. МАРТИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется идентификация новых религий в белорусской науке. На основе репрезентативной выборки из 798 научных работ, затрагивающих тему новых религиозных движений, изучаются следующие аспекты: институционально обусловленная специфика реакций ученых на феномен нетрадиционной религиозности; распределение субъектов идентификации новых религий по научным дисциплинам; конфигурация религиозных организаций в Республике Беларусь, идентифицированных учеными в 1988–2020 гг. Особое внимание уделяется выявлению неисследованных секторов конфессионального пространства Беларуси и анализу структурных и содержательных характеристик новых религий, попадающих в фокус внимания ученых. Проясняются перспективные направления в изучении заявленной темы, а также ее значение в разработке комплексной модели реакций социума на нетрадиционную религиозность. Отмечается, что к числу наиболее значимых показателей реакции институтов общества на религиозное многообразие относится социальная идентификация религиозных организаций с одним из типов религиозности. Институтами общества идентифицируются разные конфигурации новых религиозных движений, что обусловлено принятыми в этих институтах внутренними нормами и стандартами оценки конфессионального пространства.

Ключевые слова: социология религии; социальная идентификация религиозных организаций; новые религиозные движения; нетрадиционная религиозность; новые религии.

IDENTIFICATION OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IN BELARUSIAN SCIENCE

V. A. MARTINOVICH^a

^aMinsk Theological Academy, 27 Zybickaja Street, Minsk 220030, Belarus

This article is devoted to the analysis of the process of identification of new religions in Belarusian science. Based on a representative sample of 798 published works by scientists dealing with the topic of new religious movements, the following are analysed: the institutionally determined specificity of scientists' reactions to the phenomenon of non-traditional religiosity; the distribution of subjects of identification of new religions by scientific disciplines; the configuration of religious organisations identified by scientists in the Republic of Belarus in the period from 1988 to 2020. Special attention is paid to the identification of sectors of the confessional milieu of Belarus that are not covered by the attention of scientists, the analysis of the structural and substantive characteristics of new religions that fall into the focus of scientists' attention. A number of promising areas of analysis of the stated topic are clarified, as well as its significance for the development of a comprehensive model of society's reactions to non-traditional religiosity. The social identification of religious organisations with one of the types of religiosity is among the most significant indicators of the reaction of social institutions to religious diversity. Different institutions of society identify different configurations of new religious movements in accordance with their internal norms and standards for evaluating the confessional milieu.

Keywords: sociology of religion; social identification of religious organisations; new religious movements; unconventional religiosity; new religions.

Образец цитирования:

Мартинович ВА. Идентификация новых религиозных движений в белорусской науке. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;2:57–66. EDN: TFNQZC

For citation:

Martinovich VA. Identification of new religious movements in Belarusian science. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;2:57–66. Russian. EDN: TFNQZC

Автор:

Владимир Александрович Мартинович – доктор теологии, кандидат социологических наук; заведующий кафедрой апологетики.

Author:

Vladimir A. Martinovich, doctor of science (theology), PhD (sociology); head of the department of apologetics. nrmsect@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2516-1153>

Введение

Выделение разных типов религиозных организаций выступает базой для анализа многообразия конфессионального пространства в дисциплинах социально-гуманитарного блока и выходит далеко за пределы работ социологов религии. С учетом теоретико-методологической специфики каждой дисциплины выбираются основания для дифференциации типов, используется особый категориально-понятийный аппарат. Объектом научно-исследовательского интереса становятся разные религиозные группы. В соответствии со строгими стандартами науки эти религиозные группы идентифицируются в качестве церквей, деноминаций, сект и т. д. В иных социальных институтах идентификация религиозных организаций протекает без опоры на научные обоснования, но следует внутренней логике и специфике института.

С 1970-х гг. ученые тщательно прорабатывают методологию анализа новых религиозных движений (далее – НРД) [1–3], изучают влияние исследо-

ваний НРД на развитие науки в целом и социологии религии в частности [4; 5]. Попытки комплексного анализа отношения к НРД со стороны разных социальных институтов, в том числе со стороны научного сообщества [6; 7], предпринимаются без опоры на количественный анализ каких-либо значимых показателей. Так, идентификация учеными религиозных организаций и НРД на макроуровне страны еще не становилась предметом самостоятельного анализа. Избирательность внимания специалистов к акторам конфессионального пространства и влияние институциональной специфики на формирование реакций институтов общества на нетрадиционную религиозность все еще относятся к числу малоизученных тем. Их исследование является важным этапом на пути к целостному анализу общественных реакций на конфессиональное пространство любой страны. Настоящая статья может выступать лишь в качестве введения в заявленную тему и не претендует на охват всех значимых ее составляющих.

Социальная и научная идентификация НРД

Идентификация религиозных организаций представляет собой постоянный процесс, который предполагает установление полного совпадения характеристик той или иной группы с одним из типов религиозных организаций. Наиболее распространенной является идентификация НРД. Вне зависимости от индивидуальных и групповых целей субъектов идентификация религиозных организаций обладает следующими характеристиками:

- выступает основным показателем степени чувствительности социальных институтов к религиозному многообразию;
- делает религиозные организации заметными для широких слоев населения, не сталкивающихся с ними в повседневной жизни либо не считающих их религиозными;
- влияет на формирование представлений (в том числе иллюзий) о конфессиональном пространстве в общественном дискурсе;
- лежит в основании совокупности реакций социальных институтов на конфессиональное пространство в целом и на религиозные организации в частности;
- является индикатором изменений в общественном восприятии феномена религиозности и отдельных представителей конфессионального пространства.

Идентификация религиозных организаций может осуществляться в закрытом для широких слоев населения формате либо иметь публичный характер. В первом случае ученый, журналист, священник, чиновник или представитель другого института общества изучает религиозную группу, но не сообщает

окужающим результаты исследований. Во втором случае организация упоминается в общедоступных источниках информации (например, в газетной или журнальной статье), т. е. в той или иной степени становится частью общественного дискурса, объектом социальной идентификации, предметом обсуждения и оценки. Религиозная организация выделяется среди остальных представителей конфессионального пространства только для того, чтобы исследователь мог отнести ее к уже известному и изученному типу. Тем самым социальные институты наполняют сложный мир религиозного многообразия более-менее надежными и понятными ориентирами. Без социальной идентификации религиозная группа растворяется в массе объединений и общностей. В статусе актора конфессионального пространства она остается незаметной для социальных институтов даже в тех случаях, когда она совершенно не скрывает этот статус и самым активным образом добивается его признания. Информация, транслируемая в общественном дискурсе религиозной организацией с момента ее первой социальной идентификации, дополняется позитивными и негативными оценками, а также нейтральным анализом. Религиозная группа выходит из тени, становится узнаваемой и учитываемой, выступает объектом рефлексии не только собственных членов, но и третьих лиц, не имеющих к ней отношения. Представители группы приветствуют позитивные отзывы о своей работе и категорически отвергают негативные оценки. Однако действительно заметной в общественном дискурсе религиозная группа может стать только при распределении ее идентификации на длительный

период времени, росте количества обращающих на нее внимание социальных институтов и увеличении частоты ее упоминаний внешними акторами. Совокупность реакций социальных институтов на конфессиональное пространство влияет на формирование общественных представлений о феномене религиозности в целом и о нетрадиционной религиозности в частности.

В сложной системе реакций общества на нетрадиционную религиозность особое место занимает наука. Во-первых, для представителей остальных институтов обращение к теме НРД стимулируется множеством столкновений с религиозными организациями, т. е. обуславливается ситуативной необходимостью. Их реакции на религиозные организации в значительной степени являются вопросом свободного выбора. Для представителей социально-гуманитарных дисциплин обращение к проблематике религии, напротив, выступает необходимостью, обусловленной местом и ролью религии в жизни общества. Религия – это де-факто древний социальный институт, вызывающий большой научно-исследовательский интерес как в настоящее время, так и в диахронической перспективе. Всестороннее изучение истории, литературы, философии, культуры и искусства, политических и иных процессов невозможно без учета религиозной составляющей. Эта необходимость проявляется также в выделении социологии религии в одно из важных направлений социологических исследований.

Во-вторых, наука является единственным институтом, способным максимально приблизиться к объективному описанию реакций иных социальных институтов на конфессиональное пространство. Однако анализ конфигураций религиозных организаций, идентифицированных разными институтами, подразумевает наличие горизонта для их сравнения, а именно информации об их предполагаемой генеральной совокупности, которая наиболее быстро и эффективно выявляется в рамках социологического исследования религиозного многообразия. В то же время всевозможные научные исследования религии, в том числе религиозного многообразия, сами выступают предметом комплексного изучения социальной идентификации. Выявленная генеральная совокупность религиозных организаций теоретически может стать самореферентным объектом в рамках изучения социальной идентификации. Однако этого не происходит, так как результаты исследований религиозного многообразия практически

всегда де-факто остаются закрытыми [8] либо публикуются лишь частично, а социальная идентификация предполагает общедоступность информации об установленных группах. Научная идентификация религиозных организаций не выносятся на суд общественности достаточно часто потому, что не является самоцелью, осуществляется в закрытом формате и служит лишь инструментом для решения иных научно-исследовательских задач. В этом отношении весьма показательна работа У. Бека [9], посвященная проблемам социологического анализа религии. Ученый активно прибегает к дифференциации религиозного опыта и противопоставлению разных типов религиозных организаций, использует термины «новое религиозное движение», «ересь», «секта», «новая религиозность». Однако, демонстрируя достаточно высокий уровень теоретического обобщения, он не только не переходит к идентификации НРД, но даже не упоминает названия традиционных церквей. Таким образом, любые религиозные организации, идентифицированные учеными как в рамках анализа религиозного многообразия, так и в границах других исследований, но не названные в научных и иных публикациях, не учитываются в изучении социальной идентификации.

В-третьих, представители научного сообщества подходят к анализу феномена религии глубоко и целостно, во всем множестве его форм. В работах белорусских ученых исследуются классический индуизм, буддизм, зороастризм и другие религии, в том числе древние и отжившие формы религиозности, не имеющие отношения к Беларуси. Руководствуясь принципом пользы для развития научного знания, белорусские ученые в XXI в. идентифицируют сектантские сообщества, исчезнувшие несколько тысячелетий назад, пытаются разобраться в специфике НРД Африки, непрерывно возвращаются к уточнению деталей из истории некогда существовавших на территории Беларуси сект. При этом они внимательно изучают современные тенденции развития белорусской религиозности. Отсутствие установки на поиск исключительно негативных примеров из жизни нетрадиционных религиозных групп способствует расширению диапазона вариативности НРД, идентифицируемых учеными. В выборку попадают также секты и культы с чистой репутацией, у которых не было шансов быть упомянутыми на страницах печатных СМИ либо в работах критиков из общественных организаций.

Исследование социальной идентификации НРД в белорусской науке

Основная цель настоящего исследования – определение конфигурации религиозных организаций, идентифицированных в качестве НРД в общедоступных работах белорусских ученых за 1988–2020 гг. Генеральная совокупность материалов по теме НРД, опубликованных учеными Беларуси, неизвестна.

Также нет сведений о распределении искомым источников по типам трудов, географии публикаций и научным дисциплинам. Необходимая совокупность материалов по разным типам источников и местам их размещения распределена неравномерно. Ожидаемо только преобладание материалов

по НРД в работах представителей социально-гуманитарного блока. Тематические библиографические справочники по нетрадиционной религиозности на территории Республики Беларусь не издавались. Электронные репозитории, специализирующиеся на теме НРД, отсутствуют. Публикации, подготовленные в региональных научно-исследовательских центрах, представляют не меньший интерес, чем публикации в изданиях научных учреждений республиканского уровня.

В силу указанных причин отбор материалов осуществлялся методом доступной выборки. Условием включения текста в выборочную совокупность являлась его публикация в рецензируемом издании, а также наличие в нем отнесения религиозной организации к числу НРД, в частности к одной из его основных форм:

- к прямой (с опорой на специальную терминологию, например: «Белое братство является сектой»);
- контекстуальной (через содержание текста или место его размещения, но без специальных терминов, например, в книге по истории религии есть глава «Секты», в которой описание религиозных групп приводится без прямого отнесения их к числу сект; или же в статье без специальной терминологии описывается религиозная организация, по своим характеристикам противопоставляемая традиционным церквям);
- полемической (через указание на прямую идентификацию группы третьей стороной, например: «Французское правительство относит свидетелей Иеговы к числу сект»);
- индексной (через описание группы посредством специальной терминологии (без указания ее названия), но с упоминанием ряда узнаваемых индексных выражений, например: «Секта, основанная Сёко Асахарой и совершившая газовую атаку в токийском метро»).

Автору известны 615 специальных терминов, использующихся при социальной идентификации НРД в общественном дискурсе. В настоящем исследовании документально зафиксировано употребление белорусскими учеными 178 терминов (см. приложение 1). Значительная часть терминов вызывает у автора вопросы в плане их приемлемости для категориально-понятийного аппарата науки, но анализ этой темы выходит за рамки настоящей статьи.

При сборе материалов учитывалось, что искомые данные могут содержаться в монографиях, сборниках научных трудов и конференций, не посвященных религиозной проблематике [10–12]. В процессе поиска информации наибольшее внимание уделялось журналам ВАК, официальным изданиям белорусских учреждений высшего образования, Национальной академии наук Беларуси и Министерства образования Республики Беларусь. Мониторинг изданий и сбор данных проводился автором с 1997 г.

В выборку вошли материалы на русском и белорусском языках, опубликованные на территории Республики Беларусь в 32 журналах ВАК и 4 энциклопедиях (см. приложение 2), а также в 50 монографиях, 52 учебниках, учебных и учебно-методических пособиях, 19 сборниках научных трудов, 70 сборниках материалов конференций и 4 авторефератах диссертаций. Таким образом, выборочная совокупность составила 798 источников, подготовленных 210 докторами и кандидатами наук, а также 102 авторами без научной степени (научные работники, преподаватели учреждений высшего образования, аспиранты и студенты). На долю авторов с научной степенью пришлось 583 источника, или 73,1 % от выборки. В последнюю включались исправленные и дополненные издания учебников и монографий, а также редкие переиздания без изменений. В дополненных изданиях часто идентифицировались новые религиозные группы. При републикации текста в разные годы отмечалось воспроизведение в общественном дискурсе одних и тех же наборов идентифицированных религиозных групп. При этом 70 источников из выборки представляли собой публикации авторов из других стран (55 – из России, 4 – из Украины, 3 – из Польши, 3 – из Казахстана, 2 – из Сербии, 2 – из Эстонии, 1 – из Литвы). В большинстве случаев это были доклады по теме НРД в сборниках международных конференций, проходивших в Республике Беларусь.

В выборку не были включены следующие источники:

- статьи и монографии белорусских авторов, посвященные теме НРД, но опубликованные за рубежом;
- тексты отчетов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (государственных, университетских, кафедральных и др.) на тему религии и НРД (ввиду недоступности данных текстов для широкой аудитории);
- документы Министерства образования Республики Беларусь, посвященные религиозной тематике и содержащие идентификацию НРД;
- тексты экспертных заключений по НРД, подготовленных белорусскими учеными в рамках работы экспертных советов, например Экспертного совета при Уполномоченном по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь (ввиду недоступности этих текстов для широкой аудитории);
- популярные работы ученых, изданные на площадках иных социальных институтов и отражающие их институциональную специфику подхода к НРД (например, интервью в популярных СМИ, тексты для общественных организаций, критика НРД с позиций вероучения религиозных организаций). Не менее 39 докторов и кандидатов наук высказывались по проблематике НРД на информационных площадках,

не вошедших в выборку, при этом 20 из них не затрагивали проблематику НРД в научных изданиях¹. Сам факт существования этого массива материалов показывает, что внимание ученых к теме НРД выходит за рамки сугубо исследовательского интереса;

• материалы, содержащие краткое, на уровне нескольких слов либо одного-двух предложений, обращение к проблематике нетрадиционной религиозности, но без идентификации НРД. Подобные упоминания темы НРД рассредоточены во множестве научных текстов. Они косвенно указывают на устойчивое влияние темы НРД на научный дискурс, но никак не помогают в осуществлении цели настоящего исследования.

Материалы анализировались методом стандартизированного опроса текста, разработанного Центром социологических и политических исследований БГУ под руководством Д. Г. Ротмана. Основной вопрос в анкете формулировался следующим обра-

зом: «Какие группы в тексте статьи (книги) идентифицируются в качестве НРД?» Для каждого источника фиксировались полные библиографические данные, позволяющие его найти и проверить корректность кодирования информации. Проводилось дополнительное исследование на предмет наличия у каждого автора ученой степени. Эти сведения также отмечались в бланке. Для изучения полученных данных использовались результаты предшествующего исследования структурных и содержательных характеристик нетрадиционной религиозности. Ранее с опорой на ту же методологию автором анализировались результаты социальной идентификации НРД, предложенной печатными СМИ [13] и религиозными организациями [14].

Степень обоснования идентификации отдельных религиозных организаций в качестве НРД, представленного учеными разных дисциплин, не имеет значения для настоящего исследования.

Авторство и динамика публикации материалов по теме НРД

Из 210 авторов с ученой степенью 61 являлись докторами наук, 149 – кандидатами наук. Из них 45 докторов наук и 127 кандидатов наук – белорусские ученые, 16 докторов наук и 22 кандидата наук присылали публикации из других стран. Подавляющее большинство белорусских ученых, затрагивавших проблематику малых религиозных сообществ, представляли дисциплины социогуманитарного блока: философию (15 докторов наук и 46 кандидатов наук), историю (14 докторов наук и 43 кандидата наук), социологию (4 доктора наук и 12 кандидатов наук), филологию (2 доктора наук и 3 кандидата наук), политологию (1 доктор наук и 4 кандидата наук), юриспруденцию (1 доктор наук и 1 кандидат наук), культурологию (4 кандидата наук), педагогику (3 кандидата наук), психологию (2 кандидата наук), экономику (1 кандидат наук), общую географию и социально-экономическую географию (1 доктор наук и 3 кандидата наук) (см. приложение 3).

Представители естественных и формальных наук ожидаемо реже обращались к теме НРД. Среди них 1 кандидат технических наук, 7 докторов медицинских наук, 3 кандидата медицинских наук и 1 кандидат биологических наук.

Были найдены не все данные, касающиеся образования авторов без ученой степени. В силу этого распределение выборки по дисциплинам предпринималось только для авторов, имеющих ученой степень. При этом учитывалась также дисциплина, к которой относилась конкретная работа. Например, работы Е. М. Бабосова и Л. Г. Новиковой относились к социологии, несмотря на то что указанные ученые имеют степени по философии, кандидат экономи-

ческих наук В. Н. Киселёв затрагивал тему НРД исключительно в своих работах по истории.

Установлено, что 88,3 % от всех работ, посвященных проблематике НРД, приходится на такие дисциплины, как философия (48,7 %), история (25,9 %) и социология (13,7 %). Затем с большим отставанием идут труды психологов (4,5 %) и представителей других дисциплин (в диапазоне от 0,2 до 2,4 %). Данное распределение отражает специфику внимания к теме НРД в странах бывшего СССР. На протяжении длительного времени в этом регионе сектантство изучалось преимущественно на кафедрах научного атеизма, а на момент распада Советского Союза философы составляли большинство среди специалистов по НРД. Кроме того, религиоведение в Беларуси не обрело статуса самостоятельной дисциплины и до сих пор существует в границах философии. Можно предположить, что в странах Запада доля социологов и психологов, занимающихся проблематикой НРД, намного выше. Белорусские социологи, в отличие от своих западных коллег, еще не раскрыли весь эвристический потенциал темы НРД.

Установлено, что историки в каждом материале идентифицируют в среднем 5 НРД, философы – 8, а социологи – 11 НРД. Средний показатель для представителей всех дисциплин составляет 7 НРД на материал.

Анализ публикаций показал, что в 1988–1995 гг. внимание к теме НРД было крайне низким (в среднем 2 материала в год). В 1996–1997 гг. отмечался рост числа публикаций до 17 материалов в год, а в 1998–2002 гг. зафиксирован самый высокий уровень публикационной активности – в среднем

¹Например, по теме НРД давали интервью доктора физико-математических наук Л. М. Томильчик и Е. А. Толкачёв, доктора технических наук А. И. Вейник и М. Д. Тявловский, доктор биологических наук В. Н. Калюнов и др.

56 статей, монографий и учебных пособий ежегодно. В 2003–2020 гг. ситуация стабилизировалась – в среднем 26 публикаций в год. Активное внимание печатных СМИ, общественных организаций и органов государственного управления Республики Беларусь к теме НРД в 1990-х гг., отмечавшееся в иных публикациях автора, лишь в конце 1990-х гг. привело к более-менее заметной реакции со стороны ученых. Однако такое же резкое падение интереса к теме НРД со стороны СМИ, общественных объединений и органов государственного управления после принятия Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организаций» от 31 октября 2002 г. № 137-З не привело к одновременному отходу белорусских ученых от данной темы. Однажды пробужденный интерес стабилизировался и сохранялся на одном уровне на протяжении двух последующих десятилетий. При этом он неизменно подкреплялся уже не общественным заказом на тему, а процессами в среде нетрадиционной религиозности Беларуси. Эти процессы фиксировались учеными, но не сопровождались скандалами и серьезными угрозами для государства и социума, а потому плохо замечались прочими акторами общественного дискурса. Таким образом, интерес ученых к проблематике НРД

предсказуемо отличается большей стабильностью, чем интерес к этой теме со стороны представителей других социальных институтов.

На протяжении анализируемого периода учеными Беларуси в оборот вводилась информация о ранее не идентифицированных НРД. Некоторые из них были уже хорошо исследованы зарубежными специалистами. Другие религиозные группы, особенно белорусские и российские, до этого не изучались. Так, в 1988–2000 гг. в научный оборот была введена информация о 202 НРД, в 2001–2010 гг. – о 271 НРД, 2011–2020 гг. – о 113 НРД. Обращение к анализу новых, особенно белорусских, НРД и описание деятельности иностранных НРД на территории Беларуси неизменно были сопряжены с усилиями по поиску информации, отражали заинтересованную инициативу ученых в разработке проблематики. Данная тема не числится в официальных перечнях приоритетных тем для развития белорусской науки, но самим фактом уделяемого ей внимания отечественные ученые подтверждают ее значимость. Несомненно, успехи науки не измеряются количеством публикаций, но анализ вклада белорусских ученых в развитие научного знания о НРД выходит за рамки объема и целей настоящего исследования.

Количество и состав идентифицированных НРД

За 1988–2020 гг. учеными были идентифицированы 586 НРД и общностей последователей религиозных и мистических учений. В 798 источниках они упоминались 5492 раза. В Республике Беларусь документально зафиксирована деятельность 272 идентифицированных НРД, что составляет 23,2 % от предполагаемой генеральной совокупности НРД страны. Это самый высокий показатель среди ранее исследованных институтов белорусского общества, который подтверждает, что наука сохраняет лидерство по изучению процессов в конфессиональном пространстве. Несмотря на то что действующие в Беларуси 272 НРД составляют 46,4 % от всех идентифицированных групп, они упоминаются в 5 раз чаще (4568 раз), чем остальные 314 НРД (924 раза). Этот результат ожидаем, так как действующие в стране НРД привлекают больше внимания ученых, чем организации, никогда не работавшие в стране. Тем не менее наличие группы из 314 идентифицированных НРД свидетельствует о том, что ученые проявляют фундаментальный интерес не только к актуальной в сфере НРД ситуации, но и к развитию науки в целом, опираясь на отсутствие ограничений в обращении к наиболее интересным НРД других стран и периодов. На НРД, не действовавшие в Беларуси в 1988–2020 гг., наиболее активное внимание обращают историки (45 % от совокупности идентифицированных НРД) и философы (40 %). Историки реконструируют прошлое религиозных организаций. Основная масса их работ, вошедших

в оставшиеся 55 %, посвящена развитию НРД, все еще действующих в Беларуси. Философы занимаются исследованием общетеоретических проблем бытования религии в обществе, не ограничивая себя выбором примеров из разных стран. Социологи больше интересуются актуальной ситуацией в стране. Только в 23 % случаев они упоминают НРД, не существующие в Беларуси.

Результаты исследования позволили ответить на вопрос о том, насколько ключевые характеристики 272 НРД, идентифицированных белорусскими учеными, соответствуют распределению их в предполагаемой генеральной совокупности. Анализ результатов выявил следующую закономерность: чем более высокий уровень организации у НРД, тем выше вероятность его попадания в фокус внимания исследователей. Так, учеными было идентифицировано 75,9 % от общего числа высокоорганизованных НРД (секты и культы в типологии Старка и Беинбриджа [15]), 23,7 % от среднеструктурированных НРД (клиентурные культы) и 2,6 % от слабоструктурированных НРД (аудиторные культы). Средне- и слабоструктурированные НРД редко идентифицируются и изучаются белорусскими учеными, хотя именно они составляют основную массу НРД не только в Беларуси, но и во всем мире. Причины такой ситуации объяснимы: данные типы НРД отличаются высоким уровнем изменчивости, о них сложно собрать актуальную и достоверную информацию, кроме того, существует ряд сложностей с методологией их анализа. Однако

они представляют собой не меньший интерес, чем высокоструктурированные НРД. По мнению автора, средне- и слабоструктурированные НРД оказывают значительно большее влияние на население страны, чем высокоструктурированные НРД, а сам факт их количественного доминирования в конфессиональном пространстве является серьезным вызовом современной науке, в том числе в Республике Беларусь. Закономерно, что средне- и слабоструктурированные НРД наиболее часто замечают социологи, у которых организации этих типов составляют 40 % от общего числа идентифицированных НРД. У философов этот показатель равен 33 %. Наименее чувствительными являются историки и представители других дисциплин с показателями в 25 % и ниже.

Все 17 типов нетрадиционной религиозности попали в сферу внимания ученых. В пятерку наиболее часто идентифицируемых вошли НРД «международное общество сознания Кришны», «движение объединения», «великое белое братство», «Аум синрикё», а также сайентология. Анализ результатов позволил выявить 49 несоответствий между степенью представленности того или иного типа НРД в Республике Беларусь (по данным предполагаемой генеральной совокупности) и степенью представленности его в выборке материалов ученых. Подробный анализ этих НРД выходит за рамки объема настоящей статьи. К наиболее значимым несоответствиям можно отнести следующие:

- повышенное внимание к христианским НРД, доля которых в предполагаемой генеральной совокупности составляет 9,1 %, а в выборке работ ученых – 23,9 %;
- повышенное внимание к восточным НРД (6,9 % против 13,2 %);
- сниженное внимание к религиозно-магическим и целительским НРД (43,1 % против 6,6 %);

Социальная идентификация НРД и официальная регистрация религиозных организаций

Из числа 272 идентифицированных в качестве НРД групп 14 официально зарегистрированы в Республике Беларусь как религиозные организации. В 319 монографиях и научных статьях они были идентифицированы в качестве НРД 880 раз. Отсутствие в законодательстве Республики Беларусь таких терминов, как «секта», «культ», «новое религиозное движение» и др., не мешает ученым, равно как и представителям других социальных институтов, классифицировать официально зарегистрированные в стране религиозные организации в соответствии с нормами и стандартами оценки конфессионального пространства, принятыми в каждом институте. Без какой-либо поправки на юридический статус большинство из этих религиозных организаций идентифицируется учеными в качестве НРД и в других странах.

- повышенное внимание к псевдохристианским НРД (1,6 % против 6,3 %).

Соотношение созданных на территории Беларуси и мигрирующих НРД в предполагаемой генеральной совокупности составляет 64,2 % к 35,8 %. В получившейся выборке 32 % НРД возникли в Беларуси и 68 % мигрировали из-за рубежа. При этом созданные в Беларуси НРД упоминаются всего 359 раз, в то время как иностранные – 5133 раза. Таким образом, ученые непропорционально много внимания уделяют иностранным НРД, а значительный массив местных организаций оставляют без анализа. Тем самым в общественном дискурсе косвенно поддерживается стереотип об иностранном происхождении основной массы действующих в Беларуси НРД. Однако если в наиболее распространенной версии он гласит о том, что страны Запада являются главным спонсором сектантства в Беларуси, то представители научной среды транслируют более взвешенную позицию: 2195 раз упоминаются НРД, созданные на Западе, и 2938 раз – африканские, азиатские, латиноамериканские и ближневосточные НРД.

Таким образом, точность и объективность научного анализа касается отдельных исследований НРД, но не распространяется на науку как социальный институт во всем многообразии его представителей. Совершая открытия, ученые не выходят на достаточно высокий уровень саморефлексии, который позволил бы координировать исследования в области религии. Результаты исследования позволяют констатировать факт того, что в конце XX – начале XXI в. белорусская наука вслед за другими социальными институтами транслировала в общественный дискурс искаженную картину по деятельности НРД при достаточно точных описаниях отдельных сегментов из истории и современного состояния нетрадиционной религиозности.

При исследовании отдельно учитывались все упоминания религиозных организаций без их идентификации как НРД. Подобные 14 организаций назывались учеными 725 раз в 198 статьях и книгах. Те же источники относили к числу НРД иные организации либо воздерживались от дифференциации представителей конфессионального пространства. Нередко последнее было сопряжено с приведением списка официально зарегистрированных в Беларуси организаций, но без комментариев к их типологическим отличиям. В ряде случаев одни и те же авторы в одном материале воздерживались от идентификации религиозной организации, а в другом – относили ее к числу НРД. Результаты настоящей работы позволяют проследить историю идентификации религиозных сообществ и воздержания от нее как для каждой группы, так и для каждого ученого. Более того, сама эта тема

обладает эвристическим потенциалом для анализа изменений в восприятии отдельных организаций в исследуемый период, но выходит за рамки настоя-

щей статьи. Методология исследования позволила зафиксировать разность мнений и позиций ученых относительно статуса религиозных сообществ.

Заключение

В настоящем исследовании выявлены количество и конфигурация религиозных организаций, идентифицированных белорусскими учеными в 1988–2020 гг. в качестве НРД, масштабы и характер вовлечения представителей разных научных дисциплин в анализ нетрадиционной религиозности, распределение структурных и содержательных характеристик в совокупности исследуемых учеными и фактически действующих НРД. Результаты работы выходят далеко за рамки тем, затронутых в статье. Они включают

данные по внешнему влиянию НРД на научное общество, рекурсивности, сбоям и аномалиям в идентификации НРД, а также предполагают возможность детализации соответствующей информации по дисциплинам, субъектам идентификации, упоминаемым группам, понятийному аппарату и множеству иных показателей. Полученные результаты являются важным этапом на пути к разработке комплексной модели реакций общества на феномен нетрадиционной религиозности.

Приложение 1

Специальные термины, используемые белорусскими учеными для социальной идентификации НРД

Альтернативная религия; альтернативное движение; альтернативный культ; антиобщественная религиозная организация; асоциальная религиозная группа; аудиторный культ; внеконфессиональная духовность; внеконфессиональная организация; внеконфессиональная религиозность; внеконфессиональная религия; внецерковная религиозность; гетерогенное синкретическое образование; деструктивная группа; деструктивная культовая организация; деструктивная некультовая организация; деструктивная организация; деструктивная псевдорелигия; деструктивная религиозная группа; деструктивная религиозная секта; деструктивная религиозность; деструктивная секта; деструктивная религиозная организация; деструктивное религиозное объединение; деструктивное религиозное сообщество; деструктивное религиозное течение; деструктивный культ; деструктивный неокульт; деструктивный религиозный культ; ересь; еретическая группа; еретическая секта; еретическое движение; еретическое течение; квазирелигиозность; квазирелигия; клиентурный культ; контррелигиозность; культ; культизм; культ нового времени; культовая группа; культовая организация; культовое новообразование; лжеправославная группа; лжеучение; ложная духовность; малая религиозная группа; малое религиозное сообщество; маргинальное религиозное направление; молодежная религия; молодежный культ; народное религиозное движение; неканоническая вера; неконфессиональная религиозность; неокульт; неокультизм; некультовая группа; некультовое движение; некультовая организация; некультовое образование; некультовое объединение; некультовое течение; некульт тоталитарного толка; неомистицизм; неомистическое движение; неомифология; неорелигиозное течение; неорелигия; нетрадиционная духовность; нетрадиционная конфессия; нетрадиционная псевдорелигиозность; нетрадиционная религиозная конфессия; нетрадиционная религиозная организация; нетрадиционная религиозная секта; нетрадиционная религиозная система; нетрадиционная религиозная структура; нетрадиционная религиозность; нетрадиционная религия; нетрадиционная секта; нетрадиционная форма духовности; нетрадиционная форма религиозности; нетрадиционная церковь; нетрадиционное вероисповедание; нетрадиционное религиозное верование; нетрадиционное религиозное движение; нетрадиционное религиозное объединение; нетрадиционное религиозное течение; нетрадиционное религиозное учение; нетрадиционное учение; нетрадиционный культ; нетрадиционный религиозный культ; нецерковная религиозность; нецерковная религия; новая духовная организация; новая духовность; новая культовая организация; новая нетрадиционная религия; новая религиозная группа; новая религиозная общность; новая религиозная организация; новая религиозная секта; новая религиозная система; новая религиозность; новая религия; новая религия века; новая секта; новое вероучение; новое духовное движение; новое духовное объединение; новое конфессиональное течение; новое культовое объединение; новое нетрадиционное религиозное движение; новое нетрадиционное религиозное образование; новое религиозное движение; новое религиозное направление; новое религиозное образование; новое религиозное объединение; новое религиозное течение; новое религиозное учение; новое религиозное учреждение; новомодная религия; новообразование тоталитарного типа; новый деструктивный культ; новый деструктивный неокульт; новый культ; новый нетрадиционный культ; новый религиозный культ; новый религиозный суррогат; организация нетрадиционной направленности; организация сектантского типа; преступная религия; псевдодуховность; псевдорелигиозная группа; псевдорелигиозная организация; псевдорелигиозная секта; псевдорелигиозная структура; псевдорелигиозное движение; псевдорелигиозное новообразование; псевдорелигиозное образование; псевдорелигиозное учение; псевдорелигиозность; псевдорелигиозный культ; псевдорелигиозный неокульт; псевдорелигия; псевдотрадиционная религия; псевдотрадиционный культ; психокульт; религиозная новация; религиозное меньшинство; религиозное новообразование; религиозный культ; религия нового века; секта; сектантская группа; сектантская организация; сектантское движение; сектантское новообразование; сектантское объединение; сектантское течение; сектантство; синкретическая

духовность; синкретическая религиозность; синкретическая религия; синтетическая духовность; синтетический культ; современная религия; суррогатная духовность; тоталитарная группа; тоталитарная деструктивная секта; тоталитарная секта; тоталитарное объединение; тоталитарный деструктивный культ; тоталитарный культ, тоталитарный неокульт; чуждая религия; чужеродная духовность; чужеродная религиозность; экстремистская религия.

Приложение 2

Журналы ВАК и энциклопедии, в которых опубликованы материалы по проблематике НРД

Журналы. Адукацыя і выхаванне; Беларуская думка; Беларускі гістарычны часопіс; Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў; Веснік БДУ. Серыя 2, Хімія. Біялогія. Геаграфія; Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права; Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка; Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. Серыя 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія; Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта; Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А, Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія; Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя D, Эканоміка, сацыялогія, права; Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія; Вестник Брестского государственного технологического университета; Весці БДПУ. Серыя 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія; Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія; Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук; Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна. Частка 1, Гуманітарныя і грамадскія навукі; Вышэйшая школа; Гісторыя: праблемы выкладання; Журнал Белорусского государственного университета. Социология; Здаровы лад жыцця: навукова-метадычны часопіс; Идеологические аспекты военной безопасности; Магілёўская даўніна; Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки; Проблемы управления; Сацыяльна-педагагічная работа; Социологический альманах; Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова»; Философия и социальные науки; Философские исследования; Фалькларыстычныя даследаванні: кантэкст, тыпалогія, сувязі; Чалавек. Грамадства. Свет.

Энцыклапедыі. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]. Мінск: БелЭн, 1993–2003; Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск: БелЭн, 1996–2004; Рэлігія і царква на Беларусі : энцыкл. давед. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2001; Республика Беларусь: энциклопедия : в 6 т. / редкол. Г. П. Пашков [и др.]. Минск: БелЭн, 2005–2008.

Приложение 3

Белорусские ученые социогуманитарных дисциплин, поднимавшие проблематику НРД в своих публикациях

Доктора философских наук И. И. Акинчиц, Т. М. Алпеева, Е. М. Бабосов, А. В. Данилов, А. Н. Елсуков, Т. П. Короткая, А. А. Круглов, М. А. Можейко, А. И. Осипов, О. А. Павловская, С. А. Подокшин, В. В. Позняков, Т. Г. Румянцева, С. Н. Соколова, С. А. Яцкевич; *кандидаты философских наук* М. Т. Авсиевич, Н. В. Анципович, Е. В. Беляева, Н. Н. Беспамятных, В. М. Бородич, А. А. Бочков, Р. Н. Дождикова, О. В. Дьяченко, Д. М. Зайцев, О. Н. Иванчина, В. И. Ионе, С. Г. Карасева, Л. А. Карпушевская, К. К. Койта, В. А. Костенич, П. И. Костюкович, В. В. Кудрявцев, Д. Н. Курочкин, Н. А. Кутузова, Е. А. Лагуновская, В. И. Левкович, В. П. Машеро, О. В. Мащитко, И. Б. Михеева, Л. М. Можейко, Ю. В. Никулина, Л. Г. Новикова, В. А. Одиноченко, В. Д. Подошево, С. В. Потапенко, Т. И. Предко, Е. С. Прокошина, И. Ф. Рекуц, П. Н. Савостенок, В. Н. Семенова, С. З. Семерник, Д. А. Смоляков, В. В. Старостенко, И. И. Таркан, М. Ю. Теняно, А. А. Титовец, А. В. Филипович, Н. С. Щёкин, О. В. Шубаро, Т. А. Юрис, В. Р. Языкович; *доктора исторических наук* А. В. Верещагина, А. А. Горбацкий, А. П. Грицкевич, А. В. Гурко, И. О. Евтухов, А. А. Коваленя, И. П. Корзун, И. А. Марзалюк, С. В. Морозова, В. И. Новицкий, И. В. Оржеховский, М. Ф. Пилипенко, В. С. Сакович, Э. С. Ярмусик; *кандидаты исторических наук* Н. Г. Балтрушэвич, Ю. О. Бачище, А. В. Володина, В. Б. Гагуа, Н. В. Гаркович, С. В. Говин, А. Б. Гойко, Н. Н. Гончаров, А. Д. Гронский, Е. В. Давлатова, Э. С. Дубенецкий, А. С. Дударенок, Н. Л. Евдокименко, И. В. Жилинская, А. Н. Загидулин, Т. П. Иванова, Б. И. Камейша, В. Ф. Касович, П. Г. Космач, Н. В. Кошелева, Д. А. Кривошей, П. С. Крючек, Т. В. Лисовская, А. А. Морунов, С. А. Мышепуд, Н. Б. Нестерович, В. П. Пичуков, Г. И. Посохина, А. Ф. Самусик, Д. Э. Севрук, А. Н. Свирид, К. В. Ствольгин, М. А. Ступакевич, В. В. Сушко, А. А. Торканевский, А. В. Унучек, Е. Н. Филатова, Ю. В. Черняк, В. В. Шейбак, С. А. Юрис, Л. В. Языкович, В. В. Яновская, И. И. Янушевич; *доктора социологических наук* Д. К. Безнюк, А. Н. Данилов, И. В. Котляров, Н. Е. Лихачев; *кандидаты социологических наук* С. М. Алейникова, Н. Л. Балич, А. А. Белов, С. Н. Зень, А. Л. Ластовский, В. А. Мартинович, С. А. Морозова, Н. С. Рысюкевич, А. И. Тиханский, М. Я. Тишкевич, О. А. Шелест, Е. В. Шкурова; *доктора филологических наук* О. А. Лойко, Т. И. Шамякина; *кандидаты филологических наук* О. А. Борисевич, К. И. Иванов, В. Н. Сивицкий; *доктор политологических наук* Л. Е. Земляков; *кандидаты политологических наук* Е. Г. Абраменко, Н. Н. Малишевский, Е. В. Скакун, А. В. Шерис; *доктор юридических наук* А. А. Головко; *кандидат юридических наук* Д. В. Иванова; *кандидаты культурологических наук* Н. В. Самосюк, Е. В. Свечникова, О. А. Соболевская, Ю. А. Яроцкая; *кандидаты педагогических наук* Е. Ф. Ивашкевич, В. М. Макаров, Н. И. Сакович; *кандидаты психологических наук* Е. К. Агеенкова, И. М. Павлова; *кандидат экономических наук* В. Н. Киселев; *доктор географических наук* И. И. Пирожник; *кандидаты*

географических наук Г. З. Озем, В. П. Сидоренко, А. И. Тарасенок; кандидат технических наук В. Е. Гурский; доктора медицинских наук П. П. Волков, Ф. М. Гайдук, В. Т. Кондрашенко, Е. И. Скугаревская, А. Ф. Скугаревский, О. А. Скугаревский, Т. Т. Сорокина; кандидаты медицинских наук Б. М. Гольдинберг, О. В. Климович, В. Д. Королев; кандидат биологических наук Н. А. Телюк.

Библиографические ссылки

1. Stone D. On knowing how we know about the new religions. In: Needleman J, Baker GP, editors. *Understanding the new religions*. New York: The Seabury Press; 1978. p. 141–152.
2. Zablocki B, Robbins T, editors. *Misunderstanding cults. Searching for objectivity in a controversial field*. Toronto: University of Toronto Press; 2001. 524 p.
3. Richardson JT, Balch R, Melton JG. Problems of research and data in the study of new religions. In: Bromley DG, Hadden JK. *The handbook on cults and sects in America. Volume 3. Part B*. Greenwich: JAI Press; 1993. p. 213–229.
4. Robbins T. The transformative impact of the study of new religions on the sociology of religion. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1988;27(1):12–31. DOI: 10.2307/1387399.
5. Robbins T. «Quo vadis?» the scientific study of new religious movements? *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2000;39(4):515–523. DOI: 10.1111/j.1468-5906.2000.tb00013.x.
6. Arweck E. *Researching new religious movements. Responses and redefinitions*. London: Routledge; 2006. 398 p.
7. Jenkins P. *Mystics and messiahs. Cults and new religions in American history*. Oxford: Oxford University Press; 2000. 294 p.
8. Мартинович ВА. Методологические проблемы изучения религиозного многообразия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;3:92–102. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-3-92-102.
9. Beck U. *Der eigene Gott. Von der Friedensfähigkeit und dem Gewaltpotential der Religionen*. Frankfurt am Main: Verlag der Weltreligionen; 2008. 275 S.
10. Данилов АН. *Власть и общество: поиск новой гармонии*. Минск: Университетское; 1998. 575 с.
11. Елсуков АН. *Философско-социологический бриколаж*. Минск: Книжный дом; 2011. 480 с.
12. Мащитко ОВ. *Лингвистические закономерности функционирования идеологии в современной культуре*. Минск: БГУКИ; 2015. 236 с.
13. Мартинович ВА. Идентификация новых религиозных движений в практике редакций и журналистов печатных СМИ. *Вестник Института социологии РАН*. 2022;13(1):67–85. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.774.
14. Мартинович ВА. Восприятие новых религиозных движений религиозными организациями Республики Беларусь. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2023;23(4):74–88. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-74-88.
15. Stark R, Bainbridge WS. *The future of religion. Secularisation, revival and cult formation*. Berkeley: University of California Press; 1985. 572 p.

References

1. Stone D. On knowing how we know about the new religions. In: Needleman J, Baker GP, editors. *Understanding the new religions*. New York: The Seabury Press; 1978. p. 141–152.
2. Zablocki B, Robbins T, editors. *Misunderstanding cults. Searching for objectivity in a controversial field*. Toronto: University of Toronto Press; 2001. 524 p.
3. Richardson JT, Balch R, Melton JG. Problems of research and data in the study of new religions. In: Bromley DG, Hadden JK. *The handbook on cults and sects in America. Volume 3. Part B*. Greenwich: JAI Press; 1993. p. 213–229.
4. Robbins T. The transformative impact of the study of new religions on the sociology of religion. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1988;27(1):12–31. DOI: 10.2307/1387399.
5. Robbins T. «Quo vadis?» the scientific study of new religious movements? *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2000;39(4):515–523. DOI: 10.1111/j.1468-5906.2000.tb00013.x.
6. Arweck E. *Researching new religious movements. Responses and redefinitions*. London: Routledge; 2006. 398 p.
7. Jenkins P. *Mystics and messiahs. Cults and new religions in American history*. Oxford: Oxford University Press; 2000. 294 p.
8. Martinovich VA. Methodological problems of religious diversity research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;3:92–102. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-3-92-102.
9. Beck U. *Der eigene Gott. Von der Friedensfähigkeit und dem Gewaltpotential der Religionen*. Frankfurt am Main: Verlag der Weltreligionen; 2008. 275 S.
10. Danilov AN. *Vlast' i obshchestvo: poisk novoi garmonii* [Power and society: the search for a new harmony]. Minsk. Universitetskoe; 1998. 575 p. Russian.
11. Elsykov AN. *Philosophsko-sotsiologicheskii brikolazh* [Philosophical and sociological bricolage]. Minsk: Knizhnyi dom; 2011. 480 p. Russian.
12. Mashitko OV. *Lingvisticheskie zakonomernosti funktsionirovaniya ideologii v sovremennoi kulture* [Linguistic patterns of ideology functioning in modern culture]. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts; 2015. 236 p. Russian.
13. Martinovich VA. Identification of new religious movements in the practice of editorial offices and journalists of print media. *Vestnik Instituta sotsiologii RAN*. 2022;13(1):67–85. Russian. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.774.
14. Martinovich VA. Perception of new religious movements by the religious organizations of the Republic of Belarus. *Vestnik RUDN. Sociology*. 2023;23(4):74–88. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-74-88.
15. Stark R, Bainbridge WS. *The future of religion. Secularisation, revival and cult formation*. Berkeley: University of California Press; 1985. 572 p.

Статья поступила в редколлегию 18.04.2023.
Received by editorial board 18.04.2023.